

О.В. Лысикова, Алали Ясир Заки Салех

(Саратовский государственный технический университет имени
Гагарина Ю.А., г. Саратов)

АРАБСКАЯ И ПЕРСИДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIII–XIV ВЕКОВ КАК РЕСУРС ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

Аннотация. В статье исследуется Арабская и персидская литература XIII–XIV веков как ресурс этнокультурного туризма. Авторы приходят к выводу, что важным элементом арабо-мусульманской культуры является арабский язык, который неразрывно связан с Кораном. Успешному развитию литературы и поэзии способствовало то, что арабский язык был единым языком, который использовался всеми мусульманскими писателями и поэтами независимо от своего происхождения. Именно на этом языке были написаны все значительные научные, философские и литературные произведения, религиозные и юридические труды.

Ключевые слова: арабская и персидская литература, арабский язык, этнокультурный туризм, художественная культура, искусство, ислам.

O.V. Lysikova, Alali Yasser Zaki Saleh

(Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin, Saratov)

ARABIC AND PERSIAN LITERATURE OF THE 13th–14th CENTURIES AS A RESOURCE OF ETHNOCULTURAL TOURISM

Annotation. The article examines Arabic and Persian literature of the XIII–XIV centuries as a resource for ethnocultural tourism. The authors come to the conclusion that an important element of the Arab-Muslim culture is the Arabic language, which is inextricably linked with the Koran. The successful development of literature and poetry was facilitated by the fact that the Arabic language was the only language used by all Muslim writers and poets, regardless of their origin. It was in this language that all

significant scientific, philosophical and literary works, religious and legal works were written.

Keywords: Arabic and Persian literature, Arabic language, ethno-cultural tourism, artistic culture, art, Islam.

В истории великих культур классическая арабо-мусульманская культура занимает одно из важнейших мест. В свое время эта высокоразвитая, самобытная культура процветала на бескрайних просторах от Индии до Испании, включающих Ближний, Средний Восток и Северную Африку. Ее влияние ощущалось и ощущается сейчас во многих частях света. Она явилась связующим звеном между культурами античности и средневекового Запада. Уникальность арабо-мусульманской культуры обусловлена особенностями ислама. Ислам, являясь одной из трех мировых религий, сформировался в VIII в. из традиций таких монотеистических религий как христианство и иудаизм, восприняв ряд их основных положений и догм. Ислам, будучи по своей сути религией, превратился в принципы, организующие весь ранний мир обществ, подчиненных власти халифата. Ислам стал законом, определяющим социальные структуры и мораль общества, обоснование которых находится в священном Коране. Так как Аллах является абсолютным совершенством, то данная им мораль и законы обладают абсолютной истинностью, вечностью и неизменностью и пригодны «для всех времен и народов».

Важным элементом арабо-мусульманской культуры является арабский язык, который неразрывно связан с Кораном. Священная книга ислама, по мнению правоверных мусульман, была дана пророку Мухаммеду в «откровении» именно на арабском языке. С этого началось взаимодействие этих двух существенных составляющих арабо-мусульманской культуры. Под влиянием необходимости комментировать Коран активно развивались филологические исследования арабского языка. В свою очередь Коран способствовал расширению сферы распространения и усилению позиций арабского языка везде, где появлялись арабы и обращенные ими в ислам

представители других народов. Потому что все мусульмане, независимо от своего происхождения, обязаны цитировать Коран на арабском языке, знать его и понимать. И как «чудом» считали арабы и мусульмане представление миру Корана на арабском языке, так и «чудом» предстает перед нами поразительное развитие арабского языка, который из языка бедуинов пустынной Аравии в течение века превратился в официальный язык ученых, философов, писателей. Арабский язык и Коран – два основных элемента арабо-мусульманской культуры. Наука, философия, литература, искусство, другие проявления арабской и мусульманской культуры несут на себе печать этих двух факторов.

Много различных традиций соединилось в классических литературах мусульманских народов, в них особенно выделяются те, которые связаны с исламской цивилизацией: во-первых, религиозная литература, цитаты из Корана и Сунны; во-вторых, поэтические и прозаические формы, выработанные в период Багдадского халифата и имеющие арабские и иранские корни.

При дворах правителей и вельмож писатели и поэты устраивали состязания. Они читали прозу и стихи о вине и застолье, об охоте, хвалебные панегирики хозяину, религиозно-философские поэмы. Исполнение любовных песен-газелей поручали певцам и певицам. Поэты-бедуины состязались на верблюжьих рынках, городские поэты – в чайханах и садах, куда горожане приходили на Праздник весны.

Халифы, эмиры и губернаторы различных провинций огромной империи были опекунами науки и философии, меценатами искусства и изящной литературы, особенно поэзии. Они были инициаторами и покровителями известных научных институтов – университетов и академий наук, с которыми были связаны богатые библиотеки, насчитывавшие многие сотни тысяч томов религиозных и светских произведений. Главные центры средневековой культуры и науки находились в Багдаде, Каире, Кордове и других городах арабо-мусульманского халифата.

Арабо-мусульманская культура, как следует из самого словосочетания, несет на себе печать ислама и арабизма с его духом свободы и терпимости,

который сохранялся в эпоху арабской гегемонии в арабо-мусульманском обществе и его государстве – халифате. В Коране есть слова: «А стихотворцы – за ними следуют обманщики; разве не видишь ты, что они во всякой долине блуждают и что говорят они то, чего не делают?»

Свою задачу авторы статьи видят в рассмотрении взаимодействия и взаимовлияния религии ислама и средневековой литературы Востока на примере творчества выдающихся арабских и персидских писателей и поэтов XIII–XIV вв. как ресурса развития этнокультурного туризма в Республике Ирак.

В XIII в. появилось религиозно-мистическое учение – суфизм, оказавшее большое влияние на духовную жизнь мусульманского Востока и нашедшее отклик на Западе. Суфии (последователи суфизма) учили, что Бог – во всем, что «нет ничего, кроме Бога», и что к Богу можно прибиться целостным переживанием, усилием духа и познания. Однако познание не рационально, напротив, нужно отбросить привычное и будничное мышление, чтобы прорваться сквозь вещи к вечности. Сам суфизм внутри себя дифференцировался. Одним из его вариантов был интеллектуальный суфизм, оказавший огромное влияние на арабо-мусульманскую культуру, в частности, на поэзию. Суфий устремлен к богу, он избирает путь любви и богопочитания, чтобы достигнуть своей высшей цели – перевоплотиться и приобрести вневременной опыт. Любовь к богу позволяет суфию достичь полной гармонии с абсолютным. Путь любви и мудрости дает возможность индивиду достигнуть власти «над своим телом, мыслями и чувствами, создать в себе свой рай, в котором он может испытывать блаженство до тех пор, пока не погрузиться в океан вечности». Иными словами, в мистическом самопознании происходит постижение бога: «кто знает себя, знает бога»¹.

В суфийской литературе особое место занимали стихи о любви и вине, которые изменяют сознание человека и потому могут быть знаками мистического познания. Крупнейшим поэтом-суфием был *Омар ибн аль-Фарид* (1181–1234):

*Мне ты нужна! И я живу, любя
Тебя одну, во всем – одну тебя!
Кумирам чужд, от суеты далек,
С души своей одежды я совлек...² [7, С. 288].*

(перевод З.А. Миркиной)

Ибн аль-Араби (1165-1240) – поэт-суфий и теоретик суфизма, в тех же образах любви и вина описывал порывы человеческого духа к божественному первоначалу:

*О, душ перекличка! О, зовотоскующей птицы
На тихом восходе и в час, когда солнце садится!
Я вам открываюсь всем трепетом, жилкою каждой,
Всем скрытым томлением и всей неумною жаждой...³*

«О, голубки на ветках араки...»

(перевод З.А. Миркиной)

Персидский поэт Фирдоуси (ок. 934 – ок. 1021) написал первое мусульманское эпическое произведение – поэму «Шахнаме». Замечательная поэзия суфиев может восприниматься как воспевание любви и вина, но она имеет мистический смысл любви к Богу и духовного опьянения. Из арабского центра исламской цивилизации на её окраины передавались лучшие образцы поэзии. В подражание им в Средней Азии, Турции, Индии и на севере Нигерии появлялись произведения на двух, трёх, четырёх языках. Позже появилась художественная проза, сначала в виде назидательных рассказов на арабском языке. Самое знаменитое произведение арабской литературы – «Тысяча и одна ночь». Волшебная сказка в стихах или рифмованной прозе – изобретение исламской цивилизации. В период упадка арабской культуры деловые письма, исторические и приключенческие произведения, надписи на монетах и печатях стали писать цветистым языком с рифмами, изысканными метафорами – так же, как художественную прозу.

Арабское завоевание и распространение ислама в Иране практически пресекли существование среднеперсидской литературной традиции. Иран научился говорить на новоперсидском языке, сложившемся на основе среднеиранских диалектов, писать арабским шрифтом и верить в единого мусульманского Бога – Аллаха и Его пророка и посланника Мухаммеда. Образцами для арабских писателей служили прозаические жанры: наставления царям и сборники занимательных рассказов, ставшие популярными в средневековой арабской литературе. Персы внесли немалый вклад и в развитие арабской поэзии. Многочисленные поэты персидского происхождения, писавшие по-арабски, с одной стороны, обогатили арабскую литературу новыми мотивами, а с другой – сохранили родную литературную традицию в иной языковой оболочке.

Современные востоковеды едины во мнении, что поэзия явилась для персов тем же, чем философия для греков, – той областью духовной жизни, где наиболее полно проявился народный гений. Великие персидские поэты – *Фирдоуси, Омар Хайям, Низами, Саади, Хафиз* внесены в золотой свиток мировой литературы.

В научной литературе доминирует мнение о том, что у литературного жанра *газели* исконно иранские корни. Сохранились сведения о том, как в доисламское время персидские бродячие музыканты учили петь о любви суровых арабских воинов. Постепенно газель перестала быть исключительно любовным стихотворением, ее содержанием становились картины природы, сцены дружеских пирушек, размышления о бренности жизни и жалобы на превратности судьбы. Газель распространилась по всему иранскому миру, перейдя из дворца в обитель дервиша и на городскую площадь. При дворе газель было принято исполнять под аккомпанемент музыкальных инструментов. Газель звучала плавно и сладостно. Эта малая песенная форма пришлась по душе искателям мистического озарения и единения с Богом.

Среди поэтов-суфиев наибольшее признание выпало на долю *Джалаладдина Руми (1207–1273)* – персидского поэта, жившего в Малой Азии,

в основанной им обители в городе Конья (на территории современной Турции). По преданию, Руми слагал газели, находясь в трансе во время суфийских радений. Многие его стихи, состоящие из восклицаний, повторов и обращений к Божественному Возлюбленному, богато украшенные звукописью, оказывали завораживающее действие на слушателя и в настоящее время исполняются во время суфийских ритуалов.

Персы дополнили жанровую систему, заимствованную из арабской поэзии, еще одной, самой малой поэтической формой – *рубай* (от араб. «состоящий из четырех»). Рубай состоит из четырех полустихий, пишется только особыми вариантами одного метра – *хазаджа* – и рифмуется по схеме: *aaaa* или *aaba*. В письменную литературу оно пришло из иранского фольклора. В персидской словесности рубай всегда находилось на границе высокой и простонародной литературы, однако благодаря Омару Хайяму эту форму стали широко использовать для эпиграммы и философского афоризма.

Любовь персов к длинным и хорошо изложенным героическим сказаниям проявилась в создании и распространении *маснави* (от араб. «сдвоенный»). Этот жанр получил свое название благодаря парной рифмовке полустихий бейта по схеме: *aa-bb-cc*. Длина *маснави* никак не ограничивалась. Главным произведением, созданным в жанре *маснави*, является «Шахнаме» Фирдоуси, объем который вдвое превышает «Илиаду» и «Одиссею» вместе взятые. В той же форме сочиняли любовные истории и богато иллюстрированные вставными новеллами и притчами поучительные повести. С распространением суфизма стали популярными назидательные *маснави*, объяснявшие на конкретных житейских примерах правила прохождения пути познания истины. Руми создал знаменитое произведение «*Маснави-и манави*» («Духовное *маснави*, или Поэма о скрытом смысле»), настолько почитавшееся суфиями, что они именовали его «Персидским Кораном»⁴.

С темами и сюжетами *маснави* во многом перекликаются прозаические произведения классического иранского Средневековья. Среди выдающихся образцов средневековой персидской прозы особое место занимают такие

сочинения как «Собрание рассказов и светочи преданий» *Мухаммада Ауфи* (XIII в.), «Гулистан» *Саади* (1257 г.). Все разновидности поэзии объединяет «Хамсе» («Патерица») Низами, пять поэм которой легли в основу канона маснави и вызвали множество подражаний и поэтических ответов.

Абу Мухаммад Ильяс ибн Юсуф Ганджеви (из Ганджи) – *Низами* (ок. 1141-ок. 1209) был родом из семьи духовного или ученого сословия, его мать – из знатного курдского рода. Поэт обладал познаниями не только в мусульманском богословии, но и в христианской теологии. Хорошо знавший арабскую и персидскую поэзию, Низами помнил наизусть много тысяч бейтов из стихов «древних и новых поэтов». «Диван» Низами – полное собрание его лирических стихов (касыды, газели, кыта, рубаи), до нас не дошел. Сохранилось несколько касыд и три десятка любовных газелей, которые свидетельствуют об оригинальности его поэтической манеры. Зарабатывал себе на жизнь Низами только литературным трудом, получая заказы на сочинения от представителей разных правящих династий. Низами никогда не был женат на двух женщинах одновременно, хотя ислам разрешает иметь до четырех законных жен, если муж был способен их содержать. Судя по всему, поэт не разделял приверженности мусульманам этому обычаю. В поэме «Искандер-наме» (1199-1201 гг.) устами одного из греческих мудрецов Низами говорит: «...у мужа, имеющего много жен, никого близкого нет»⁵. Низами одним из первых в мировой литературе отразил складывавшиеся в эпоху Средневековья новые представления о любви. Человек, отделившийся от родового коллектива, осознавший себя личностью, ощутил любовь как нечто неповторимое.

Одни средневековые историки ограничивались стандартными похвалами *Омара Хайяма* (1048 – после 1123 или 1132): «У него много хороших арабских и персидских стихов». Другие, подобно аль-Кифти, говорили о стихах Хайяма в обличительном тоне, называя их «жалящими змеями для мусульманского закона». Хайям родился в Нишапуре, на востоке Ирана. Его полное имя – Гийас ад-Дин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим аль-Хайям. В родном городе молодой человек окончил медресе – высшее мусульманское учебное заведение. Благодаря

блестящим способностям и феноменальной памяти Хайям приобрел энциклопедические знания по всем наукам, обязательным для образованного мусульманина того времени: математике, физике, астрономии, философии, теософии, правоведению, истории, основам стихосложения. Он был начитан в арабской и персидской поэзии, сведущ в науке врачевания и искусен в предсказаниях по звездам. В Исфахане Хайям возглавил одну из крупнейших в средневековом мире обсерваторий, однако, после смерти своего покровителя визиря Низама Аль-Мулка он возвратился домой и приобрел славу крамольного философа, опасного вольнодумца и вероотступника. Стихи Омара Хайяма пытались толковать символически как выражение мистической любви к Богу, но едва ли можно считать «влюбленным в Бога» того, о ком сложили такую легенду. Рассказывают, что однажды во время пирушки на лоне природы Хайям читал свои стихи. Когда прозвучало одно из его крамольных четверостиший, налетевший порыв ветра опрокинул кувшин, лишив друзей вина. Раздосадованный Хайям тут же сложил экспромт:

*Ты кувшин мой разбил, Всемогущий Господь,
В рай мне дверь затворил, Всемогущий Господь,
Драгоценную влагу Ты пролил на камни –
Ты, видать, перетил, Всемогущий Господь?*

Легенда гласит, что Бог не выдержал такого святотатства и наказал поэта: его лицо почернело, но и это знамение не смерило богохульника, и он ответил небесам:

*Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай!
Ну а кто не грешил – разве жил? Отвечай!
Чем Ты лучше меня, если мне в наказание
Ты ответное зло совершил? Отвечай!⁶.*

(перевод Г. М. Плисецкого)

Поэт пристыдил Творца за несправедливость и одержал верх в этом споре, лицо его обрело прежний вид. Рубаи Омара Хайяма поражают логикой, философской весомостью, дерзкой иронией. Его стихи – спор с Богом о разумности мироустройства, который бесстрашный, вечно сомневающиеся бунтарь вел всю жизнь. Безумный гончар, разбивающий свои творения, – вот какое сравнение находит поэт для «Господина миров»:

*Изваял эту чашу искусный резец,
Не затем, чтоб разбил её пьяный глупец.
Сколько светлых голов и прекрасных сердец
Между тем разбивает напрасно Творец?*⁷.

(перевод Г. М. Плисецкого)

Для Хайяма существование Бога не подлежало сомнению, но в отличие от суфиев, «влюбленных в Господа своего», поэт не был уверен ни в справедливости Всевышнего, ни в его «здравом смысле». Стремясь испытать логикой веру, поэт неизменно приходил к неутешительным выводам.

Шейх (от араб. «старик») Абу Абдуллах Муслихаддин *Саади* аш-Ширази (80-е гг. XII в. – 1292) создал выдающиеся произведения во всех ведущих поэтических и прозаических жанрах классической персидской литературы. Достоверных сведений о его жизни сохранилось немного, хотя сам писатель рассказал в своих книгах множество историй о собственных приключениях. Саади осиротел в 12 лет, и правитель Фарса отправил его в столицу халифата Багдад, где он продолжил учебу в знаменитой на мусульманском Востоке школе Низамийе. Саади получил фундаментальное и разностороннее образование, которое считалось обязательным, по представлениям того времени, для профессионального поэта и литератора. Он провел в странствиях по мусульманскому миру 30 лет, побывав в Сирии, Египте, Месопотамии, Малой Азии, неоднократно совершив паломничество в Мекку. Он участвовал в диспутах богословов. Вернувшись на родину, Саади предпочел поселиться в суфийской обители недалеко от Ширази и вести жизнь шейха, наставляющего

учеников и указывающего путь искателя мудрости. До последних своих дней он не оставлял поэтической деятельности. Гробница Саади в Ширазе является национальной святыней и местом паломничества. В своей книге «Гулистан» Саади пишет о том, что сочувствие, сострадание и способность помочь ближнему являются основными составляющими человечности, отличающими сынов Адама от бессловесных животных. «Гулистан» является шедевром персидской дидактики, историческим памятником, отразившим быт и нравы средневековых городов Ближнего Востока. В поэтическом трактате «Бустан» соединились традиции софийской дидактической поэмы, описывающей правило поведения мистика на путях поиска истины, и светской назидательной поэмы, повествующей о человеческом общежитии. Сборники газелей Саади носят авторские названия – «Нежные», «Удивительные», «Перстневые», «Старинные».

Считается, что в Иране в каждом доме обязательно есть две книги – Коран и «Диван» *Хафиза* (20-е гг. XIV в. – 1390). Единственный поэт мусульманского Востока, по чьим стихам гадают наряду со священным Кораном, – это Хафиз Ширази (Шамсиддин Мухаммад), чья гробница в Ширазе является местом паломничества. Его газели вошли в сокровищницу мировой литературы как творения одного из величайших лириков классического Средневековья. Поэт происходил из богатого купеческого рода, разорившегося после смерти кормильца. В школе благодаря незаурядным способностям и усердию мальчик освоил профессию чтеца Корана – *Хафиза* (от араб. «хранящий в памяти Коран»). Это профессиональное имя он и прославил, избрав его своим литературным псевдонимом. Коранические мотивы играют особую роль в лирике Хафиза, поскольку поэт подчеркивает связь своего таланта с профессией чтеца священной книги: «Я не видел ничего прекраснее твоих стихов, Хафиз, и все потому, что ты хранишь в памяти Коран»⁸. Благодаря своему особому дару Хафиз с легкостью сплетал в газели торжественность панегирика и язвительность эпиграммы, лиризм любовного признания и строгость мудрого афоризма, юмор городского плута и чуждый всему мирскому полет мысли к высотам познания Божественной Истины. Газели Хафиза отличаются предельная

самостоятельность каждого стиха-бейта, сочетание нескольких тем в одном произведении и сложность поэтических ассоциаций, связывающих все стихи в единое целое.

С XIV в. «высокая» арабская литература постепенно приходит в упадок, застывая в бесконечном повторении тем и сюжетов. Только народная литература продолжала жить и подарила миру величайший литературный памятник – «Тысяча и одна ночь». Арабская классика была уже создана: культура ждала Нового времени и тех перемен, которые оно принесет с собой. В постклассическую эпоху (XIII–XIV вв.) арабо-мусульманская литература и поэзия находились на высоком уровне, отличаясь многожанровостью и разнообразием сюжетов. В создании литературных и поэтических произведений принимали участие арабы, персы и представители других исламизированных народов. Успешному развитию литературы и поэзии способствовало то, что арабский язык был единым языком, который использовался всеми мусульманскими писателями и поэтами независимо от своего происхождения. Именно на этом языке были написаны все значительные научные, философские и литературные произведения, религиозные и юридические труды. В соответствии с традицией – хадисом, приписываемой пророку Мухаммеду, ислам с самого начала сильно поддерживал науку и образование, предписывая «поиск знания от колыбели до гроба».

В процессе исторического развития духовной культуры человечества существуют различные взаимоотношения между такими формами общественного сознания как искусство и религия. В этом историческом процессе те или иные религии «выбирают» систему искусств, которая в наиболее оптимальном варианте способна воспроизводить духовную атмосферу и культовую практику данной религии. Искусство как эмоционально-образное утверждение религиозных идей занимает важное место в структуре всех мировых религий. Исторический процесс взаимодействия искусства и религии привел к тому, что мировые религии включили в свою структуру все виды искусства. Писатель М. Веллер отмечает: «Восточный подход к искусству,

древний, тонкий, интравертный в корне противоположен западному, белому, европейскому – в сравнении с восточным варварскому, агрессивному, экстравертному, личностному. Весь упор Восток делал на воспринимателя. На прямое слияние с бытием, на сокрытие личности творца и отказе от нее. Умей сам ощущать и понимать многое в малом и т.д.»⁹.

Культура мусульманского средневековья не только предваряла многими своими аспектами культуру Ренессанса, но и прямо подготавливала ее зарождение в эпоху, названную гуманистами XV в. эпохой средневековья. В период между XII в. и эпохой Возрождения труды арабских ученых по всем областям знаний переводились и переписывались в Испании, Сицилии и Сирии, благодаря чему большинство их стало доступным в латинском переводе. Цивилизация ислама организована вокруг простых исходных концепций – религиозных догматов и законов, вытекающих из Корана и сунны – традиции, которую оставил после себя пророк Мухаммед. При анализе исторического взаимодействия искусства и ислама особенно наглядно видна общеисторическая закономерность развития духовной и художественной культуры. В этом процессе сталкиваются и взаимодействуют два потока – народно-мифологический и социально-актуальный.

Своеобразие мусульманской догматики и практики привело к тому, что ислам не смог в полной мере охватить народно-мифологическое художественное сознание, привить ему свои черты не только на ранних стадиях, но и на всем протяжении своего существования. «Без особо сильных потрясений, – пишет академик И. Ю. Крачковский, – поэзия пережила эпоху Мухаммеда и первых халифов»¹⁰. Своеобразие восточного художественного мышления глубоко осознавал А.С. Пушкин, сумевший в своем восточном поэтическом цикле передать его своеобразие. В поэмах «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», в стихотворении «Подражания Корану» поэт объединил европейское мышление с глубоким пониманием и ощущением неповторимости восточной художественной культуры.

Таким образом, в литературе и поэзии ислама, прежде всего, ценилась не броская новизна, не мастерство изобретения, а умение находить тонкие оттенки внутри уже установленных тем и жанров. В такой литературе творчество – это благородное состязание с предшественниками и современниками, где выбором соперника определяется выбор темы стихов и наоборот, а каждое новаторство тут же стремится стать традицией. Омар ибн аль-Фарид, Ибн аль-Араби, Джалаладдин Руми, Мухаммад Ауфи, Саади, Низами, Омар Хайям, Хафиз являются яркими представителями арабо-персидской поэзии и литературы XIII–XIV вв.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Угринович Д. М. Искусство и религия. М., 1982. С. 33.

² Энциклопедия для детей. Т. 15. Всемирная литература. Ч. 1. От зарождения словесности до Гете и Шиллера. М., 2000. С. 288.

³ Там же. С. 289.

⁴ Яковлев Е. Г. Искусство и мировые религии. М., 1977. С. 58.

⁵ Энциклопедия для детей. Т. 15. С. 325.

⁶ Энциклопедия для детей. Т. 15. С. 328.

⁷ Там же.

⁸ Энциклопедия для детей. С. 334.

⁹ Веллер М. Все о жизни. СПб., 2003. С. 713.

¹⁰ Крачковский И. Ю. Арабская поэзия. Т. II. М.; Л., 1956. С. 255.